

ГЛАВА IX.

Въ преддверіи XX-го вѣка.

„Чтобы обозрѣть всѣ колокольни города, надо выйти далеко за предѣлы городскихъ стѣнъ“ — говорилъ Нитцше. Мы совершили обратный путь: съ каждымъ шагомъ мы все ближе и ближе подходили къ глухой стѣнѣ текущаго момента и наконецъ подошли къ ней вплотную и вошли въ самый городъ... Теперь мы стоимъ въ самомъ центрѣ кипучей городской жизни, раздѣленія и борьбы партій, восхваленія каждымъ колокольни своего прихода; все это послужить современемъ богатымъ матеріаломъ будущему историку русской общественной мысли, а мы можемъ считать нашъ путь пройденнымъ до конца. Только въ самыхъ общихъ чертахъ мы намѣтимъ группировку русской интеллигенціи въ преддверіи XX-го вѣка, пользуясь для этого все той же аriadниной нитью, которая вела насъ черезъ все XIX-ое столѣтіе; мы увидимъ, что русская интеллигенція дѣлится въ настоящее время на двѣ группы, рѣзко различающіяся по типу міропониманія, причемъ каждая изъ этихъ группъ (а въ особенности одна изъ нихъ, дѣлится въ свою очередь на цѣлый рядъ подгруппъ, вполне несходныхъ и по цѣлямъ и по средствамъ.

Начнемъ съ первой изъ этихъ группъ, съ группы ничтожной количественно, но имѣющей неоспоримый вѣсъ въ общемъ ходѣ развитія русской творческой мысли: мы говоримъ о первыхъ русскихъ романтикахъ конца XIX-го вѣка. Чтобы прослѣдить за обстоятельствами ихъ проявленія, намъ приходится вернуться нѣсколько назадъ, къ началу девяностыхъ годовъ, къ еще неотмѣченнымъ нами теченіямъ „нитцшеанства“ и „декадентства“.

О нитцшеанствѣ не придется, впрочемъ, говорить особенно много, такъ какъ теченіе это пустило корни не столько среди рус-

ской интеллигенціи, сколько среди русскаго „культурнаго“ общества, среди дикарей высшей культуры. Нитцше, одинъ изъ величайшихъ анти-мѣщанъ и индивидуалистовъ XIX вѣка, былъ истолкованъ мѣщанской толпой дикарей высшей культуры ad usum delphini; можно себѣ представить, что сдѣлали изъ Нитцше промежуточные люди, мѣщане конца восьмидесятыхъ годовъ! Нитцшеанство на русской почвѣ—и не только на русской—обратилось въ самое типичное мѣщанство достигшаго послѣднихъ границъ ультра-индивидуализма; параллельно съ нимъ зародилось на Западѣ и перешло въ Россію связанное съ нимъ теченіе „декадентства“, на которомъ мы остановимся нѣсколько подробнѣе.

Декадентство, съ самаго начала своего зарожденія, было стремленіемъ „за предѣлы предѣльнаго“ и разрывомъ съ обыденностью; но тутъ же надо сказать, что стремленіе это было далеко отъ проникновенія за предѣлы предѣльнаго и, слѣдовательно, было уже знакомымъ намъ эстетическимъ псевдо-романтизмомъ. Типичные реалисты по типу міропониманія, наши російскіе декаденты въ потѣ лица пытались создать что-либо „необыденное“, выходящее за предѣлы третьяго измѣренія; въ этомъ отношеніи у нихъ была охота смертная, да участь горькая: не будучи въ состояніи проявить въ образахъ несродный имъ романтическій типъ сознанія, они ухватились за внѣшность, за форму и сдѣлались духовными наслѣдниками Бестужева-Марлинскаго и Бенедиктова; манерная напыщенность, ходульность, реторика, запутанность и туманность образовъ—все это хорошо знакомыя намъ качества эстетическаго псевдо-романтизма. Истинные романтики, напимѣръ Вл. Соловьевъ, ядовито осмѣивали всю нелѣпость и убожество мысли и чувства этихъ псевдо-романтиковъ, съ паѳосомъ рассказывавшихъ о томъ какъ

Всходитъ мѣсяцъ обнаженный
При лазоревой лушѣ,

и передававшихъ свои ощущенія и впечатлѣнія приблизительно въ томъ же стилѣ, какъ знакомый намъ чортъ романтизма рассказывалъ Сатанѣ о своемъ насморкѣ... Все російское декадентство той эпохи базировалось на сочетаніи словъ, на метафорахъ, на противопоставленіяхъ въ родѣ „громкозвучной тишины“, но дальше этого не шло и не могло идти, будучи глубоко реалистичнымъ по типу сознанія.

„Декадентство“ существовало въ русской литературѣ всегда, его можно найти, начиная съ Державина, у Жуковскаго, Пушкина,

Лермонтова, у всѣхъ величайшихъ представителей русскаго художественнаго творчества; но иное дѣло случайное употребленіе яркой метафоры, и иное дѣло ихъ нагроможденіе одной на другую и объявленіе этого сущю художественнаго творчества; въ этомъ возведеніи частнаго случая въ общій принципъ мы уже отмѣтили выше одинъ изъ типичныхъ признаковъ мѣщанства. — Черточки „декадентства“ мы видимъ и въ словахъ Жуковскаго о томъ, что

Все необъятное въ единый вздохъ тѣснится
И лишь молчаніе понятно говорить;

и въ знаменитомъ выраженіи Байрона о „the music of the face“, и въ „беззвучной трескотнѣ жизни“ у Гоголя, и въ характеристикѣ Пьера Наташей у Толстого („онъ славный, темно-синій съ краснымъ, какъ вамъ растолковать“) и въ выраженіи Достоевскаго о „мучительномъ слѣдкѣ ноги“... Поскольку декадентство искало новыхъ словъ для выраженія новыхъ мыслей, оно шло по стопамъ всѣхъ величайшихъ представителей русской художественной литературы; но утрировка вполнѣ законнаго стремленія привела ихъ къ бессмыслицѣ. „Есть два рода бессмыслицы, — замѣтилъ еще Пушкинъ: — одна происходитъ отъ недостатка чувствъ и мыслей, замѣняемаго словами; другая — отъ полноты чувствъ и мыслей и недостатка словъ для ихъ выраженія“; декадентство начала девяностыхъ годовъ отдало дань бессмыслицѣ перваго рода, повторивъ этимъ исторію эстетическаго псевдоромантизма русской литературы первой четверти XIX вѣка. У Грибоѣдова въ комедіи „Студентъ“ есть одно мѣсто, одинаково подходящее къ эстетическимъ псевдоромантикамъ и начала и конца XIX-го столѣтія: „декадентъ“ той эпохи, студентъ Беневольскій, читаетъ лакею Федькѣ свое стихотвореніе:

Б. ...Мрачныхъ мыслей сынъ
Съ мечтою не одинъ;
Онъ преплываетъ море
Туманныхъ бурныхъ думъ,
Отъ коихъ взоръ и умъ
Смущеньемъ цѣпенѣють.

(Федька): Скажи правду: страшно ли это?

Ф. Страшно-съ.

Б. Ты понялъ что-нибудь?

Ф. Ничего не понялъ-съ.

Б. (съ радостью). И этотъ даръ возбуждать ужасъ самой незначущей, часто непонятной мыслью — онъ неизвѣстенъ былъ донинѣ: это свѣжій листокъ, впечатлительный въ вѣнецъ поэзіи...

Этотъ шуточныйъ шаржъ отъ слова до слова и вполнѣ серьезно примѣнимъ къ молодому русскому декадентству начала девяностыхъ годовъ, пытавшемуся наборомъ и изобиліемъ словъ замѣнить недостатокъ чувствъ и мыслей.

Но если бы мы остановились на такомъ пониманіи декадентства, то впали бы въ грубую ошибку отождествленія начальной стадіи литературнаго явленія съ самимъ явленіемъ въ его цѣломъ. Дѣло въ томъ, что эксцессы декадентства были только преходящимъ явленіемъ и не должны закрывать отъ насъ то дѣнное зерно, которое несомнѣнно было въ декадентствѣ и которое къ началу XX-го вѣка принесло плодъ въ русской литературѣ. Крайности эстетическаго псевдо-романтизма показали полное творческое безсиліе авторовъ-реалистовъ выйти за предѣлы сроднаго имъ психологическаго типа міросознанія; къ концу девяностыхъ годовъ всѣ эти псевдо-романтики ступшевались передъ группой истинныхъ романтиковъ по типу сознанія, которые съ тѣхъ поръ и образуютъ въ русской литературѣ небольшую группу, мимо которой нельзя пройти не остановившись историку русской мысли и тѣмъ болѣе историку русской литературы. Мережковскій, Бальмонтъ, Розановъ и немногіе другіе—вотъ эта группа первыхъ представителей русскаго романтизма, на которой мы остановимся только мимоходомъ.

Декаденты начала девяностыхъ годовъ старались выставить на видъ свой рѣзкій индивидуализмъ и свое не менѣе рѣзкое анти-мѣщанство; но ихъ эстетическій и соціологическій ультра-индивидуализмъ былъ узкимъ и плоскимъ мѣщанствомъ, не говоря уже о томъ, что онъ сопровождался вполнѣ опредѣленнымъ этическимъ анти-индивидуализмомъ; что же касается ихъ анти-мѣщанства, то оно очень напоминало анти-мѣщанскія потуги Гончарова, въ лицѣ его ужаснаго нигилиста Марка Волохова, не понимавшаго, что желаніе во что бы то ни стало избѣжать шаблона—тоже шаблонъ своего рода. Такимъ образомъ декадентство было по существу и анти-индивидуалистическимъ и мѣщанскимъ теченіемъ, вышедшимъ изъ нѣдръ не столько русской интеллигенціи, сколько русскаго „культурнаго“ общества.

Совершенно противоположное должны мы сказать о русскихъ романтикахъ конца XIX-го вѣка, типичныхъ этическихъ индивидуалистахъ и анти-мѣщанахъ. Прежде всего они являются дѣйствительно романтиками по типу міровоспріятія, представителями не только эстетическаго, но и религіознаго романтизма. Въ своемъ эстетическомъ романтизмѣ они избрали однако нѣсколько иной путь, по сравненію, наприимѣръ, съ эстетическимъ романтизмомъ Гюго: ро-

мантизмъ послѣдняго носилъ слишкомъ внѣшній характеръ. Исключительность страстей, изощренность и извращенность ихъ— все это мы найдемъ и въ современномъ русскомъ романтизмѣ; но зато вмѣсто звенящихъ метафоръ и яркихъ антитезъ былого эстетическаго романтизма мы увидимъ у современныхъ романтиковъ легкіе штрихи, полунамеки, неясныя настроенія, недосказанныя слова... Все это вмѣстѣ взятое должно создавать настроеніе, позволяющее если и не проникнуть „за предѣлы предѣльнаго“, то по крайней мѣрѣ возсоздать образы и настроенія новаго, невѣдомаго міра. Говоря словами Бальмонта, этого выдающагося поэта среди русскихъ романтиковъ,—

Удивленно
Заглянуть,
Полусонно
Воздохнуть,—
Это путь
Для того, чтобъ возсоздать
То, чего намъ въ этой жизни
Вплоть до смерти не видать.

Но эстетическій романтизмъ, выраженный въ подобныхъ формахъ, не составляетъ центра тяжести современнаго русскаго романтизма; центральное мѣсто въ послѣднемъ занимаетъ религіозный романтизмъ, а также и ярко выраженное анти-мѣщанство „разрыва съ обыденностью“; въ послѣднемъ отношеніи русскіе романтики тѣсно связаны съ Чеховымъ, а идя далѣе—съ Достоевскимъ, Гоголемъ и Лермонтовымъ. Съ одной стороны они ненавидятъ мѣщанство за его тусклость, за его безличность, приближаясь въ этомъ отношеніи къ М. Горькому, которому, на примѣръ, посвящено Бальмонтомъ стихотвореніе „Въ домахъ“:

Въ мучительно тѣсныхъ громадахъ домовъ
Живутъ некрасивые, блѣдные люди,
Окованы памятью выцветшихъ словъ,
Забывши о творческомъ чудѣ.
Все скучно въ ихъ жизни...

Еще болѣе ядовитую характеристику мѣщанства мы найдемъ у того же Бальмонта въ стихотвореніи „Человѣчки“, въ которомъ еще нагляднѣе проявилась ненависть современнаго романтизма къ обыденщицѣ жизни средняго представителя толпы, дикаря высшей культуры:

Человѣчекъ современный, низкорослый, слабосильный,
Мелкій собственникъ, законникъ, лицемерный семьянинъ,
Весь трусливый, весь двуличвый, косодушный, шепетильный,
Вся душа его, душонка—точно изъ морщинъ... и т. д.

Но это только съ одной стороны. Съ другой—отрицательное отношеніе къ мѣщанству идетъ у современныхъ русскихъ романтиковъ гораздо глубже такого типично „горьковскаго“ отношенія къ мѣщанству; несравненно сильнѣе звучать въ этомъ романтизмѣ анти-мѣщанскія чеховскія ноты, усиленные характернымъ для русскихъ романтиковъ мистицизмомъ. Типичное чеховское отношеніе къ мѣщанству мы найдемъ въ оригинально задуманномъ романѣ *Θ. Сологуба „Мелкій бѣсъ“*; мистическое углубленіе анти-мѣщанства мы найдемъ въ интереснѣхъ изслѣдованіяхъ *Мережковскаго о Гоголѣ и Л. Толстомъ и Достоевскомъ*. Идею о мѣщанствѣ жизни, какъ таковой, свойственную *Чехову и Лермонтову*, *Мережковскій* углубляетъ идеей *Гоголя* (последняго періода жизни) о нуменальномъ значеніи этого мѣщанства. Согласно *Мережковскому*, поэты и религіозные мыслители всѣхъ временъ совершенно неосновательно приписывали злему началу міра, *Ариману, Люциферу*—мрачную силу, безконечную злобу, ненасытимое стремленіе и тому подобныя свойства; какъ-разъ наоборотъ: злое начало (или *Чортъ, tout court*) есть воплощеніе серединности, мелкости, плоскости и пошлости; *Чортъ* есть не что иное, какъ нуменальная сущность мѣщанства; *Чортъ* и *Мѣщанство*—едино суть; только одинъ *Достоевскій* проникъ въ эту сущность мѣщанства, нарисовавъ фигуру чорта въ „*Братьяхъ Карамазовыхъ*“. И не надо думать, что *Мережковскій* говоритъ только символистично: нѣтъ, онъ твердо вѣрить въ феноменальное существованіе *Чорта*, „съ хвостомъ, какъ у датской собаки“; нуменально этотъ *Чортъ* есть *Духъ Середины, Духъ Мѣщанства*.

Какъ бы ни относиться къ подобнымъ построеніямъ романтической мысли, но безспорно во всякомъ случаѣ одно: мы имѣемъ здѣсь передъ собой апогей анти-мѣщанства, высшую форму ненависти къ нему. Въ то же самое время борьба *Армузда и Аримана, Бога и Чорта* (по терминологіи *Мережковскаго*) является персонифицированной борьбой индивидуализма съ мѣщанствомъ: здѣсь мы имѣемъ своего рода религіозный индивидуализмъ и религіозное анти-мѣщанство. Это было религіозное углубленіе проблемы индивидуализма, но въ этомъ же углубленіи таились сѣмена того мѣщанства, которое въ свою очередь проникло въ религіозный романтизмъ... Глубина бываетъ разныхъ родовъ; иногда и на днѣ глубокаго ко-

лодца, по выраженію Бѣлинскаго, живутъ холодныя и слизистыя лягушки. Для современныхъ религіозныхъ романтиковъ все, что не мистично—плоско, въ чемъ нѣтъ тайны—пошло; они не замѣчаютъ, что ихъ односторонній мистицизмъ является иногда настолько же плоскимъ, какъ и крайній позитивный рраціонализмъ; они не сознаютъ, что (выражаясь ихъ же терминами) кромѣ дьявола срединной пошлости, мелкости и плоскости, есть еще дьяволъ ограниченной узости. Быть можетъ, это двѣ ипостаси одного Чорта мѣщанства?—въ рѣшеніи этого вопроса мы не компетентны, но несомнѣнно, что русскій религіозный романтизмъ часто впадалъ въ мѣщанство узости и ограниченности, желая освятить мистической тайной всѣ стороны человѣческой жизни. Достаточно вспомнить, какъ Мережковскій освятилъ мистицизмомъ самодержавную форму правленія и споткнулся только на ядовитомъ вопросѣ: не освященъ ли въ такомъ случаѣ мистической тайной и департаментъ полиціи? Достаточно вспомнить, какъ Мережковскій, углубляя идею полярности, приходитъ къ устарѣвшей на сотню лѣтъ теоріи о синтезѣ „ума“ и „крови“ въ настоящемъ аристократизмѣ; какъ онъ категорически утверждаетъ, что историческій процессъ жизни человѣчества конченъ; какъ онъ извращенно толкуетъ смыслъ и значеніе „Анны Карениной“; какъ онъ, уподобляясь горьковской Калеріи, видитъ въ грядущемъ царствѣ социализма только царство Чорта срединности и эгалитарнаго мѣщанства („Л. Толстой и Достоевскій“; т. I, стр. 8—9, 372—374; т. II, стр. 252—254, 456—458 и др.). Правда, отъ нѣкоторыхъ изъ этихъ идей Мережковскій впоследствии отказался, прійдя, напримѣръ, отъ восхваленія мистическаго самодержавія къ мистическому анархизму; но дѣло не въ одной какой-нибудь идеѣ и не въ одномъ Мережковскомъ, а въ общей тенденціи русскаго религіознаго романтизма съуживать свой кругозоръ, углубляя понятія. Однимъ изъ характерныхъ сопутствующихъ явленій оказывается при этомъ отождествленіе понятій случайности и чуда; это тоже слѣдствіе глубины во что бы то ни стало, глубины *coûte que coûte*. Русскіе религіозные романтики не понимаютъ законности примѣненія категоріи случайнаго къ явленіямъ, не хотятъ удовлетвориться объясненіемъ случая, какъ вполне законоуѣрнаго пересѣченія двухъ причинныхъ рядовъ; для нихъ все случайное *eo ipso* и мистично. „Тутъ есть нѣкая тайна“ — такъ озаглавливаютъ они свои произведенія (Розановъ) и переполняютъ ихъ символами, подчеркиваніемъ совпаденій и тому подобными приѣмами, долженствующими углубить случайное. Здѣсь уже религіозный романтизмъ поль-

зается оружіем современнаго эстетическаго романтизма: онъ начинаетъ говорить символами, полу-намекми; онъ слѣдуетъ въ этомъ отношеніи рецепту Бѣлинскаго, который, словно предвидя появленіе на рубежѣ XX-го вѣка В. Розанова, давалъ ему слѣдующій совѣтъ: „выжуйте себѣ какой-нибудь странный, полу-славянскій, дикій языкъ, который бросался бы въ глаза своей калейдоскопической пестротой и казался бы вполне оригинальнымъ и глубоко таинственнымъ“... (см. статью о Менцелѣ). Здѣсь русскій романтизмъ впадаетъ въ сѣти лукаваго чорта Мѣщанства; здѣсь онъ становится духовнымъ наслѣдникомъ знаменитаго капитана Лебядкина (изъ „Бѣсовъ“ Достоевскаго), который озаглавливалъ свои произведенія „Въ случаѣ, еслибъ она сломала ногу“ и былъ авторомъ удивительныхъ символическихъ стихотвореній, въ родѣ:

Жилъ на свѣтѣ тараканъ,
Тараканъ отъ дѣтства,
И потомъ пошалъ въ стаканъ
Полный мухоѣдства...

Надо сказать однако, что подобный символизмъ былъ только временнымъ спутникомъ русскаго религіознаго романтизма; надо признать, что тотъ же В. Розановъ, выковавшій себѣ дикій, полужуродивый языкъ, является однимъ изъ наиболѣе тонкихъ и чуткихъ представителей мистицизма; но все это не спасаетъ глубину религіознаго романтизма отъ отмѣченной выше его частичной мѣщанской узости. Эта узость становится особенно замѣтной, когда современные романтики отъ углубленія понятій переходятъ къ углубленію словъ. Характерный примѣръ: Дмитрій Карамазовъ обращается къ Богу съ молитвой — „Господи *прости, пропусти* мимо суда Твоего“; Иванъ Ильичъ, умирая, хочетъ сказать женѣ „*прости*“, но произноситъ заплетающимся языкомъ „*пропусти*“... Мережковскій подхватываетъ это „удивительное совпаденіе“, настойчиво и не одинъ разъ повторяетъ и подчеркиваетъ его, давая этимъ понять читателю, что „тутъ есть нѣкая тайна“... На этомъ пути мистическаго сопоставленія романтизмъ можетъ пожать богатые плоды, переходя уже въ область занятія шарадами и анаграммами. Примѣры найти не трудно. „*Ама*“ по-японски значитъ *гора*: какое удивительное противоположеніе! Тутъ есть нѣкая тайна! Тутъ полярность понятій углубленія и возвышенія!.. А вотъ и еще болѣе удивительное совпаденіе, уже использованное современными романтиками: если мы прочтемъ справа налѣво слово *Roma*, то получимъ *Амор* (лю-

бовь); совершая ту же операцію по-русски, мы изъ *Рима* получимъ *Миръ*; миръ и любовь—Боже, какъ это удивительно! не ясно ли, что именно Риму суждено соединить воедино все христіанство, для водворенія царства мира и любви.

Вскрывая слабыя стороны современнаго русскаго романтизма, мы хотимъ только подчеркнуть наличность мѣщанства въ части этого несомнѣнно крайне анти-мѣщанскаго идейнаго теченія, но въ то же время ни на минуту не возстаемъ противъ основной сути религіознаго романтизма. Читатель знаетъ нашу основную точку зрѣнія о двухъ психологическихъ типахъ, стоящихъ на двухъ совершенно различныхъ плоскостяхъ міропознанія и міропониманія; споръ между ученикомъ Сократа и жрецомъ Діониса является споромъ на двухъ разныхъ и взаимно непонятныхъ языкахъ. Мы можемъ только заявить, что, относясь съ полнымъ уваженіемъ къ мнѣніямъ людей противоположнаго психологическаго типа, мы въ то же время стоимъ на реалистической почвѣ (хотя и далеки отъ вульгарнаго позитивизма); эта субъективная сторона нашего міровоззрѣнія не мѣшаетъ намъ вполнѣ объективно признать, что въ преддверіи XX-го вѣка на русской почвѣ дѣйствительно проявился и появился тотъ истинный романтизмъ, къ которому тщетно стремились въ первой половинѣ XIX-го столѣтія представители русской интеллигенціи, въ то время еще типично реалистической по типу сознанія; мы имѣли случай отмѣтить, что молодая русская интеллигенція той эпохи, еще только подступавшая съ пытливыми запросами духа ко всему „предѣльному“, не могла не стать характерно реалистичной. Всѣ попытки логическаго, этическаго и эстетическаго, равно какъ и философскаго романтизма, не говоря уже о романтизмѣ религіозномъ, были обречены на фатальное банкротство, и русская творческая мысль къ началу сороковыхъ годовъ остановилась на реалистическомъ типѣ міропониманія въ области философской мысли, и, одновременно съ этимъ, на социалистическомъ міровоззрѣніи въ сферѣ мысли общественной. Однако мы тогда же отмѣтили и другое теченіе русской творческой мысли, пришедшее къ началу сороковыхъ годовъ къ романтическому типу міросознанія и въ то же время къ вполнѣ ясно выраженному анархизму. Реализмъ и социализмъ, романтизмъ и анархизмъ—только такое сочетаніе общественныхъ и философскихъ элементовъ представляется намъ жизнеспособнымъ; сочетаніе романтизма съ социализмомъ дало въ свое время вымершую разновидность утопическаго социализма; сочетаніе реализма съ анархизмомъ нѣсколько долѣе противилось разлагающимъ силамъ внутренняго противорѣчія и имѣло

среди русской интеллигенции таких крупных представителей, как Бакунинъ, Кропоткинъ и Толстой; однако крахъ бакунизма въ борьбѣ съ реалистическимъ социализмомъ Маркса можетъ служить нѣкоторымъ показателемъ неустойчивости соединенія анархизма съ реализмомъ. Наша мысль (которая, конечно, нуждается еще въ подробномъ обоснованіи) состоитъ въ томъ, что сочетаніе анархизма съ реализмомъ и социализма съ романтизмомъ представляетъ изъ себя только искусственное, механическое смѣшеніе, въ то время какъ социализмъ и реализмъ, равно какъ и анархизмъ и романтизмъ, являются органически связанными другъ съ другомъ. По крайней мѣрѣ, въ исторіи русской общественной мысли только эти два теченія прошли черезъ весь XIX-ый вѣкъ, начиная съ западниковъ и славянофиловъ.

Къ началу сороковыхъ годовъ русская интеллигенція, въ лицѣ Бѣлинскаго, твердо пришла къ реализму въ области философо-психологической и къ социализму — въ области общественной мысли. Герценъ, Чернышевскій, Лавровъ, Михайловскій — вотъ послѣдующіе представители этого направленія, по которому пошло громадное большинство русской интеллигенціи; переживаемое нами политическое и социальное движеніе конца XIX-го и начала XX-го вѣка несомнѣнно происходитъ на почвѣ реализма и подъ знаменемъ социализма. Но рядомъ съ этимъ могучимъ потокомъ неослабно и неустанно пробивалась струя анархизма на романтической (въ смыслѣ особаго типа сознанія) почвѣ. Теченіе это ведетъ свое начало отъ славянофильства сороковыхъ годовъ, и, проходя черезъ Достоевскаго и Вл. Соловьева, развѣтвляется на двѣ струи: одна приходитъ къ критико-философскому теченію конца XIX-го вѣка, другая — къ только-что очерченному нами романтизму. Въ предыдущей главѣ мы остановились на фактѣ внутренняго разложенія критико-философскаго теченія, идеалистическаго индивидуализма; оно разложилось на двѣ части, изъ которыхъ одна, во главѣ съ П. Струве, перешла къ демократическому либерализму, оставаясь на почвѣ критической философіи; другая часть, во главѣ съ гг. Бердяевымъ и Булгаковымъ, перешла къ типичному религіозному романтизму. О демократическомъ либерализмѣ рѣчь будетъ ниже, а теперь мы закончимъ наше знакомство съ современнымъ русскимъ романтизмомъ; его генеалогія выяснена нами выше: славянофильство, Достоевскій и Вл. Соловьевъ, и, наконецъ, часть интеллигенціи конца XIX-го столѣтія. Для этой части русской интеллигенціи критическая философія была мостомъ для перехода отъ реалистическаго типа міропониманія

къ романтическому, и въ то же время—отъ социализма (марксизма) къ анархизму. Русскій романтизмъ начала XX-го вѣка вполне естественно и неизбѣжно пришелъ къ анархизму; къ нему пришли и бывшіе марксисты, гг. Бердяевъ и Булгаковъ, и бывший апологетъ мистическаго самодержавія, Мережковский. И анархизмъ этотъ является *романтическимъ анархизмомъ*, сказали бы мы, или „мистическимъ анархизмомъ“, если употребить терминъ, впервые встрѣтившійся въ органѣ русскаго религіознаго романтизма—въ журналѣ „Вопросы Жизни“ (1905 г.); въ этомъ отношеніи современные русскіе романтики продолжаютъ идейное теченіе славянофильства и являются духовными дѣтьми Достоевскаго. Они представляютъ изъ себя небольшую количественно, но цѣнную качественно идейную группу, міровоззрѣнія которой можно не раздѣлять, которая не имѣетъ ни социологическаго, ни политическаго вѣса, но которую однако надо признать имѣющей неоспоримый вѣсъ въ исторіи русской интеллигенціи и въ развитіи русской общественной мысли.

Мы только въ самыхъ общихъ чертахъ остановились на этомъ теченіи русской мысли, такъ какъ намъ предстоитъ еще прослѣдить за другой группой русской интеллигенціи, — группой, составляющей громадное большинство интеллигенціи и стоящей на почвѣ реализма и социализма. Мы возвращаемся здѣсь къ марксистамъ и народникамъ, продолжавшимъ и послѣ девяностыхъ годовъ свой споръ на почвѣ философскихъ и социально-экономическихъ вопросовъ; однако въ этой заключительной главѣ мы только бросимъ общій взглядъ на эти группы русской интеллигенціи по причинѣ, указанной выше: мы вошли теперь въ предѣлы „городскихъ стѣнъ“ и лишены возможности исторической перспективы. Поэтому только въ самыхъ общихъ чертахъ мы набросаемъ схему группировки громаднаго большинства русской интеллигенціи начала XX-го вѣка.

Девяностые годы, годы пробужденія русской интеллигенціи отъ спячки эпохи общественнаго мѣщанства, оказались предисловіемъ къ русской политической революціи, начало которой является рубежомъ XIX-го и XX-го вѣковъ. Система официального мѣщанства послѣдней четверти XIX-го столѣтія сама подписала свой смертный приговоръ своей политикой распатыванія экономическаго фундамента, на которомъ она стояла, экономической политикой созданія дutoй промышленности и высасыванія послѣднихъ соковъ изъ крестьянства. Раньше или позже, но взрывъ былъ неизбѣженъ; неизбѣжной стала всенародная политическая революція, долженствующая положить конецъ системѣ официального мѣщанства. Какъ къ

этому времени сгруппировалась русская интеллигенція, въ какія формы вылилась русская общественная мысль?

Въ реалистической части интеллигенціи (а только объ этой части и будетъ идти рѣчь далѣе) мы видимъ три крупныя группы: одну либеральную и двѣ социалистическихъ. Критико-философское теченіе, вышедшее изъ лона марксизма и одной струей впавшее въ романтической анархизмъ (въ лицѣ гг. Бердяева и Булгакова), перешло въ лицѣ г. П. Струве въ русло демократическаго либерализма. Русскій либерализмъ, влчившій жалкое существованіе въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ и загнанный въ подполье въ эпоху общественнаго мѣщанства, въ девяностыхъ годахъ поднялъ голову и рѣшилъ вступить въ болѣе рѣшительную борьбу съ системой мѣщанства официальнаго. Онъ отказался (какъ оказалось впоследствии—только на короткое время) отъ старыхъ, излюбленныхъ принциповъ пѣнокосимательства и, опираясь на „земщину“, объявилъ войну официальному мѣщанству. „Земля“ выступила противъ Государства, и г. Струве въ своемъ заграничномъ журналѣ „Освобожденіе“ сталъ, по собственнымъ словамъ, регистраторомъ русской либеральной мысли. Идеологіей либерализма сталъ уже знакомый намъ идеализмъ и критико-философское теченіе явилось такимъ образомъ мостомъ отъ марксизма къ либерализму. Мы видѣли выше (гл. VIII), что „либерализмъ“ понимался идеалистами очень широко, ему придавался не столько политическій, сколько этический смыслъ; однако, когда отъ словъ пришлось перейти къ дѣлу, то оказалось, что „широкій смыслъ“ либерализма неизбежно выливается въ узкія формы. Когда послѣ 17-го октября 1905 г. произошло быстрое дифференцированіе русскихъ политическихъ партій, то демократическій либерализмъ, ставшій знаменемъ „конституціонно-демократической“ партіи (к.-д.), сталъ на крайнемъ правомъ флангѣ русской общественной мысли¹⁾; въ своемъ послѣдующемъ развитіи онъ все ближе и ближе сталъ подходить къ былому пѣнокосимательству и къ постепенному, съ дозволенія околоточныхъ надзирателей, благопоспѣшенію. Программа-минимумъ русскаго либерализма проповѣдуется нынѣ г. П. Струве, потерявшимъ всякое значеніе среди русской интеллигенціи и въ исторіи русской обще-

¹⁾ Группы, стоящія еще правѣе к.-д.—это уже, вообще говоря, представители не интеллигенціи, а русскаго „культурнаго“ общества. Надо помнить однако, что не политическіе взгляды опредѣляютъ собою принадлежность къ интеллигенціи; см. объ этомъ т. I, Введеніе, а также см. нашу книгу „Объ интеллигенціи“.

ственной мысли: г. Струве не сумѣлъ перешагнуть изъ XIX-го вѣка въ XX-ый... Зато программа-maximum русского либерализма до нѣкоторой степени приближается къ программѣ-minimum социализма, а потому еще жизнеспособна и соединяетъ вокругъ себя хотя небольшую, но вполне „вѣсомую“ группу русской интеллигенции.

Однако громадное большинство русской интеллигенции остается социалистическимъ, слѣдя въ этомъ отношеніи завѣтамъ исторіи русской общественной мысли; только былой „великій расколъ“ обратился теперь въ русской интеллигенціи во фракціонную раздробленность. Попрежнему стоятъ другъ противъ друга двѣ группы народниковъ и марксистовъ, но первая изъ нихъ дѣлится уже на три фракціи (соціалъ-народниковъ и соціалъ-революціонеровъ, въ свою очередь дѣлящихся на максималистовъ и минималистовъ), а вторая на двѣ (соціалъ-демократовъ большевиковъ и меньшевиковъ)... Происходитъ вполне естественная дифференціация политическихъ партій, по тактическимъ и программнымъ вопросамъ, которой мы теперь не имѣемъ возможности коснуться; это задача будущаго историка русской общественной мысли. Слѣдя по „большой дорогѣ“ исторіи русской интеллигенции и изучая только главный стволъ этой исторіи, мы заранѣе заявляли, что изученіе побочныхъ вѣтвей и проселочныхъ дорогъ исторіи русской мысли не входитъ въ нашу задачу. Не входя въ подробности, мы только самыми общими чертами рисуемъ положеніе русской социалистической мысли въ преддверіи XX-го вѣка.

Марксизмъ быстро выросъ и усилился въ теченіе девяностыхъ годовъ; онъ двинулъ впередъ русскую мысль. Идеологически онъ двинулъ ее отъ позитивизма къ Гегелю, правда, перевернутому вверхъ ногами,—но отъ него не трудно было найти выходъ и дальше изъ позитивнаго тупика; политически онъ взбудоражилъ живую мысль муравейникъ русского „культурнаго“ общества и усилилъ кадры русской интеллигенции. Наконецъ, въ 1898 г. изъ марксизма вышла, съ Манифестомъ въ рукахъ, Русск. Соц.-Демокр. Рабоч. Партія. Это было время апогея торжества марксизма: изъ интеллигентской, внѣклассовой группы онъ обращался въ классовую, пролетарскую партію! Надо вспомнить рѣзко отрицательное отношеніе марксизма къ интеллигенціи, о которомъ намъ приходилось говорить выше (т. II, гл. VI и VII), чтобы понять всю радость марксистовъ, ставшихъ соціалъ-демократами. Но оказалось, что бюрократическій Манифестъ—одно, а реальная жизнь—другое, что, согласно извѣстной баснѣ Крылова, можно переименовать кукушку

въ соловья, отчего однако она не запоетъ по соловьиному... Это поняли въ концѣ концовъ и сами марксисты, послѣ фракціонныхъ раздоровъ внутри своей партіи.

Еще въ 1900 г. одинъ изъ наиболѣе талантливыхъ публицистовъ ортодоксальнаго марксизма, Потресовъ („Старовѣръ“) призналъ всю ошибочность былого пренебрежительнаго отношенія марксизма къ русской интеллигенціи. Мы помнимъ, что Струве въ своихъ „Критическихъ Замѣткахъ“ обозвалъ русскую интеллигенцію „кучкой идеалистовъ“, признавъ ее социологически за *quantité négligeable*; теперь Потресовъ, ортодоксальный марксистъ, рѣзко возстаетъ противъ подобнаго взгляда; по его мнѣнію, Струве „погрѣшилъ“ передъ русской интеллигенціей, пренебрежительно обозвавъ ее «кучкой идеалистовъ»; „требуется еще доказать, — говоритъ онъ, — что наша «безсословная интеллигенція»... была ничѣмъ инымъ, какъ такого рода «кучкою», что, напримѣръ, массовое «хождение въ народъ»... возможно сувереннымъ мановеніемъ руки смахнуть съ вѣсовъ исторіи, какъ нѣчто невѣсомое. Глубокому броженію цѣлыхъ десятилѣтій, оставившему неизгладимый слѣдъ на всей русской литературѣ и нестираемую печать на психологіи значительныхъ пластовъ нашей современной общественной формациі, передъ верховнымъ судомъ исторіи нельзя вынести приговоръ: величина социологически ничтожная“... Теперь, отказавшись отъ легкомысленнаго осужденія интеллигенціи, марксизмъ признаетъ ее „сфинксомъ русской жизни“; теперь марксизмъ признаетъ, что разночинная интеллигенція сказала *свое слово* въ русской исторіи, и звенитъ оно среди сумерѣчной обстановки обывательскаго существованія вотъ уже пятый десятокъ лѣтъ призывнымъ, будящимъ звономъ“; теперь марксизмъ взываетъ: „никогда и ни при какихъ условіяхъ не поступайте своей общественной личностью, не отрекайтесь отъ славнаго прошлаго разночинной интеллигенціи“; теперь марксизмъ говоритъ о „громадной умственной и революціонной энергіи социалистической интеллигенціи“ (см. газету „Начало“, 1905 г., № 1)... Вотъ какой, съ Божьей помощью, поворотъ! Но этого мало: теперь Потресовъ категорически признаетъ и подчеркиваетъ, что „марксизмъ въ Россіи до сихъ поръ былъ общественнымъ теченіемъ въ определенной части русской интеллигенціи“...; теперь уже марксизмъ не отрицаетъ не только этической, но и громадной политической роли русской интеллигенціи (Потресовъ, „Что случилось?“ „Заря“ 1901 г.).

Все это не только въ высшей степени справедливо, но и въ высшей степени знаменательно. Правда, не всѣ марксисты уразу-

мѣли историческую справедливость отмѣченныхъ „Старовѣромъ“ положеній; не всѣ они поняли, что русскій марксизмъ былъ типично интеллигентскимъ построениемъ русской общественной мысли: даже въ меньшевистской „Искрѣ“ 1904 г. мы снова находимъ брань и насмѣшки надъ интеллигенціей („Искра“ 1904 г., № 59), а Тиртей большевиковъ, М. Горькій, уже въ концѣ 1905 г. въ цѣломъ рядѣ статей „О мѣщанствѣ“ (въ фельетонахъ первыхъ №№ газеты „Новая Жизнь“) поставилъ знакъ равенства между этическимъ мѣщанствомъ и интеллигенціей!.. Это особенно пикантно, если мы вспомнимъ, что анти-мѣщанство есть центральный, коренной признакъ интеллигенціи (см. т. I, Введение), и что дикаря высшей культуры отдѣляетъ отъ интеллигенціи именно вязкое болото мѣщанства. Пусть часть марксистовъ этого еще не понимаетъ; но историкъ русской общественной мысли имѣетъ право подчеркнуть отмѣченное нами выше сознание наиболѣе зоркихъ марксистовъ о марксизмѣ, какъ интеллигентской идеологіи.

Въ самомъ концѣ девяностыхъ годовъ, почти одновременно съ возникновеніемъ Р. С.-Д. Р. П., воскресло и обновилось и молодое русское народничество, какъ политическая группа, принявшая по наслѣдству отъ народовольства названіе социаль-революціонерства, которое однако мы въ дальнѣйшемъ предпочитаемъ именовать народничествомъ, обращая главное вниманіе не на внѣшнюю форму, а на внутреннюю идеологическую сущность. Что касается философскаго фундамента этой группы русской интеллигенціи, то приходится признать, что молодые народники остались при старомъ позитивизмѣ и въ этомъ отношеніи не сдѣлали ни шага впередъ отъ Лаврова и Михайловскаго; въ этомъ, быть можетъ, ихъ главнѣйшая и грубая, съ нашей точки зрѣнія, ошибка. Нѣкоторые изъ представителей народничества пробуютъ опереться на эмпирио-критицизмъ, нѣкоторые—на переработаннаго для всеобщаго употребленія Нитцше, но эти одинокія попытки не дадутъ всему народничеству того твердаго философскаго фундамента, который необходимъ при постройкѣ цѣльнаго и широкаго міровоззрѣнія. Мы слышимъ отъ народничества исповѣданіе принциповъ этическаго и социологическаго индивидуализма, но исповѣданіе это въ лучшемъ случаѣ является модернизованными варьяціями на тему, исчерпанную еще Михайловскимъ. Вообще современное народничество не имѣетъ своего Михайловскаго, который бы связалъ рядъ основныхъ положеній въ одно цѣльное и яркое міровоззрѣніе; такое міровоззрѣніе

и не можетъ дать ростокъ въ настоящее время на каменистой и безводной почвѣ позитивизма.

Все вышесказанное касается философскаго фундамента народничества; что касается его социальна-экономическихъ воззрѣній, то они развивались въ девяностыхъ годахъ подѣ сильнымъ давленіемъ марксизма, по признанію самихъ же представителей возрождающагося народничества. Нельзя отрицать того, что въ цѣломъ рядѣ вопросовъ старое народничество было наголову разбито марксизмомъ девяностыхъ годовъ и реальной російской дѣйствительностью; еще болѣе было бы странно отрицать и крушеніе марксистской догмы о дѣйствительности русской политико-экономической жизни начала XX-го вѣка. Аграрный вопросъ сыгралъ роль своего рода „exregimentum stucis“, перевелъ на реальную почву вопросъ о теоретическихъ воззрѣніяхъ народничества и марксизма.

Ортодоксальный марксизмъ въ началѣ девяностыхъ годовъ съ юношеской нетерпимостью проповѣдывалъ экспроприацію мелкаго земельного собственника, радовался этому „исторически-необходимому“ процессу и воспѣвалъ деревенскаго кабатчика и кулака, какъ „высшій типъ человѣческой личности“ (Плехановъ, Струве)... Согласно теоріи „научнаго социализма“, мелкая земельная собственность фатально поглощается крупной, такъ какъ капиталистическое производство побѣждаетъ кустарное не только въ области фабрично-промышленной, но и въ сферѣ аграрныхъ отношеній. Однако исторія и статистика не только не оправдали этотъ историко-экономическій законъ, но обнаружили его полнѣйшую миѳичность даже для Франціи и Германіи. Въ это время въ Россіи начиналось бурное и обширное крестьянское движеніе (1902 г.), почти одновременное съ выступленіемъ на русскую историческую сцену фабрично-заводскаго пролетаріата. Часть марксистовъ (большевики; Ленинъ) увидѣла невозможность оставаться при старой аграрной программѣ, такъ какъ при ней нечего было думать о возможности опереться на революціонное крестьянство; тогда въ марксизмѣ появилась типично палліативная „теорія отрѣзковъ“, теорія возвращенія крестьянамъ такъ называемыхъ занадѣльныхъ отрѣзковъ 1861 года. Прошло еще два года и марксисты были вынуждены сдѣлать дальнѣйшій шагъ; теорія отрѣзковъ уже давно предана забвенію и марксисты (даже меньшевики!) требуютъ уже муниципализаціи всѣхъ земель; нѣкоторые изъ нихъ идутъ и дальше этого... Теперь уже политико-экономическій либерализмъ упрекаетъ марксистовъ въ забвеніи законовъ научнаго социализма, убѣждаетъ слѣдовать примѣру капиталисти-

ческой Европы, которая твердо стоит на священномъ принципѣ частной земельной собственности и ничего не слыхала ни о какомъ проектѣ муниципализаціи... Прийдя къ такому проекту, марксисты совершенно неожиданно для себя стали на точку зрѣнія возможности особаго пути экономическаго развитія Россіи! Конечно, этотъ особый путь не есть особый типъ, не есть скачекъ черезъ капиталистическій фазисъ развитія, но вѣдь на послѣдней точкѣ зрѣнія не стоятъ теперь даже могикане стараго народничества... Правда, остались еще любопытныя окаменѣлости изъ породы ортодоксальныхъ марксистовъ, которые блюдутъ за чистотой марксистской догмы и даже въ самое послѣднее время съ великолѣпнымъ апломбомъ заявляютъ и подчеркиваютъ, что „...никакой особой аграрной, т.-е. крестьянской программы нѣтъ и быть не можетъ“ и что пролетарская партія не должна играть въ руку мелко-буржуазной деревнѣ (Бернацкій, „Къ аграрному вопросу“), — но такихъ ортодоксовъ уже немного, это уже „*rara avis in marxismi horto*“...

Народничество заняло по аграрному вопросу ту позицію, которая необходимо вытекала изъ хода историческаго развитія русскаго социализма; оно выставило принципъ широкой *соціализаціи* земли, какъ основаніе своей программы-*minimum*; оно требуетъ упраздненія всей частной собственности на землю и организаціи уравнительнаго землепользованія. Марксисты, конечно, считаютъ такую программу мелко-буржуазной (они и Михайловскаго называли идеологомъ мелкой буржуазіи) и заявляютъ, что въ ней сказывается вѣчная ошибка народничества: попытка воскресить отмирающее (община) и въ то же время перескочить черезъ капиталистическій фазисъ развитія, ибо социализація земли мыслима только при торжествѣ социализма по всей линіи.

Что касается общины, то, дѣйствительно, молодое народничество попрежнему относится съ довѣріемъ къ ея внутреннимъ силамъ, хотя и не отрицаетъ факта разложенія общины подъ вліяніемъ фатальной для крестьянства экономической политики второй половины XIX-го вѣка; молодое народничество, дѣйствительно, надѣется, что, избавившись отъ бюрократическаго и сословнаго гнета, община найдетъ въ себѣ силы сопротивленія процессу внутренняго разложенія, искусственно поощряемаго извнѣ. Молодое народничество настойчиво заявляетъ, что къ вопросу объ общинѣ оно подходитъ строго критически, что оно прежде всего ставитъ передъ практической наукой вопросъ о жизнеспособности общины; „данное, исторически-реальное крестьянство, при данныхъ культурныхъ и социальнo-политическихъ

условіяхъ, организованное въ поземельно-общинныя ячейки, обнаруживаетъ ли способность къ реорганизации окружающихъ и своихъ собственныхъ поземельныхъ отношеній на болѣе широкихъ, исторически-прогрессивныхъ началахъ? Есть ли община лишь пассивный матеріалъ, который *меньше противится* вліяніямъ извнѣ въ смыслѣ прогрессивнаго развитія, или мы въ общинѣ имѣемъ теченія, на *активныя* тенденціи которыхъ мы можемъ опереться, работая для этого прогрессивнаго развитія въ направленіи къ социализму?... Этотъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ лишь конкретнымъ, индуктивнымъ изслѣдованіемъ реальной русской дѣйствительности“ (В. Черновъ). Такія статистико-экономическія изслѣдованія привели къ результатамъ вполне благоприятнымъ для народничества; строго объективное изслѣдованіе о русской общинѣ г. Качоровскаго привело его въ концѣ концовъ къ заключенію, что русская община, вообще говоря, не только не умираетъ, несмотря на свое частичное разложеніе, но даже таитъ въ себѣ вполне активныя силы, на которыя можетъ опереться русскій социализмъ.

Что же касается упрека въ желаніи совершить скачекъ черезъ капитализмъ прямо въ царство социализма, то онъ, очевидно, бьетъ мимо цѣли; марксисты забываютъ извѣстное положеніе, что не всѣ обратныя теоремы справедливы. При осуществленіи „социализма“ несомнѣнно должна имѣть мѣсто и „социализация“ земли, но отсюда еще вовсе не слѣдуетъ, что социализация земли обусловливаетъ собою социалистическій строй; самъ Плехановъ въ первомъ своемъ памфлетѣ („Наши разногласія“, 1884 г.) твердо зналъ эту истину, вполне справедливо заявляя, что хотя когда идетъ дождь—я раскрываю зонтикъ, однако изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что дождь пойдетъ, когда я раскрою зонтикъ... Теперь марксисты забыли эту истину и думаютъ, что если социализация земли является слѣдствіемъ социализма, то она и возможна только вмѣстѣ съ социализмомъ. Это старая и знакомая намъ ошибка марксизма, коренящаяся въ его фатализмъ: правильно подчеркивая необходимость единослѣдственности тождественныхъ причинъ, марксизмъ въ то же время не понимаетъ возможности разнопричинности тождественныхъ слѣдствій (см. объ этомъ выше, т. II, стр. 367). Такова ошибка марксизма съ философской стороны; съ социальнo-экономической она уже давно вскрыта современными народниками и заключается въ смѣшеніи формы производства съ формой собственности. „Когда говорятъ о социализации земли, то болѣе чѣмъ ясно, что о социализмѣ здѣсь нѣтъ еще и рѣчи. Социализмъ есть извѣстный способъ планомѣрной органи-

заціи всего производства обществомъ и для общества. Соціалізація же земли сама по себѣ еще никакъ не рѣшаетъ вопроса о *формѣ производства*, а рѣшаетъ лишь вопросъ о *формѣ собственности* на одинъ опредѣленный родъ благъ — именно, на поверхность и нѣдра земли“ (В. Черновъ).

Но это уже частные вопросы, которые мы можемъ затронуть только мимоходомъ, тѣмъ болѣе, что всѣ они вытекають, какъ слѣдствія, изъ болѣе общаго вопроса, разъединяющаго современное народничество и марксизмъ: это — вопросъ о классовой борьбѣ и о пролетарскомъ характерѣ социализма. Ортодоксальные марксисты, оберегая чистоту догмы Маркса, настаиваютъ на строго пролетарскомъ характерѣ социализма, причемъ рѣзко отграничиваютъ этотъ классъ городскихъ и сельскихъ пролетаріевъ съ одной стороны отъ „мыслящаго пролетаріата“, съ другой — отъ „мелкой буржуазіи“, отъ трудового крестьянства. Съ этой точки зрѣнія, дѣйствительно, „никакой особой аграрной, т.-е. крестьянской программы нѣтъ и быть не можетъ“; но мы видѣли, что марксизмъ былъ принужденъ сойти съ высотъ этой теоріи въ конкретную, реальную жизнь и опереться въ своей борьбѣ за социализмъ и на интеллигенцію и на крестьянство. Народничество въ этомъ вопросѣ сохранило старыя позиціи, защищая принципы трудового социализма и утверждая, вслѣдъ за Михайловскимъ, что интересы *народа* суть интересы *личности*, которая опредѣляется *трудомъ* (см. т. II, стр. 137). Городской пролетаріатъ является для народничества только авангардомъ социалистической арміи, который не можетъ довести до конца своими силами не только социальную, но даже и политическую революцію (событія 1905 г. показали это съ достаточной очевидностью); стремленія городского пролетаріата должны быть поддержаны массою „трудоваго народа“, только тогда они явятся достаточно обоснованными. Возставая противъ чрезмѣрнаго узкаго пониманія ортодоксальнымъ марксизмомъ принципа классовой борьбы, современное народничество доказываетъ, что интересы городского пролетаріата тѣсно связаны съ интересами трудового крестьянства (В. Черновъ: „Крестьянинъ и рабочій какъ экономич. категор.“). Однимъ словомъ, хотя народничество и не принимаетъ „народъ“ за одно цѣлое, но оно попрежнему принимаетъ „интересы труда“ за единицу, понимая ихъ въ широкомъ смыслѣ. Правда, въ одно и то же время горшечникъ молитъ Бога о вѣдрѣ, а пахарь — о дождѣ, но это слишкомъ узкое толкованіе „интересовъ труда“; при широкомъ ихъ толкованіи интересы трудового крестьянина, фабричнаго

рабочаго и „мыслящаго пролетарія“ могутъ оказаться лежащими въ одной плоскости. Народничество принимаетъ, такимъ образомъ, принципъ классовой борьбы, но пытается широко раздвинуть его предѣлы.

Таково въ настоящее время положеніе вопроса объ особомъ пути развитія Россіи, — вопроса, за эволюціей котораго мы слѣдили на протяженіи всей этой книги. Читатель безъ труда опредѣлитъ, что симпатіи наши склоняются въ сторону народничества, несмотря на то, что мы добросовѣстно подчеркивали его слабыя стороны. Мы видѣли, что народничество шагъ за шагомъ вынуждено было отказываться отъ цѣлага ряда своихъ основныхъ положеній. Мы видѣли у Герцена и Михайловскаго вѣру въ особый *типъ* развитія Россіи — эта вѣра окончательно разрушена; мы видѣли у перваго изъ нихъ убѣжденіе въ анти-мѣщанствѣ „крестьянскаго тулупа“ — это убѣжденіе уже давно распатано; мы помнимъ, что народническій приматъ соціального надъ политическимъ и соціального надъ экономическимъ былъ отвергнутъ самими же народниками; мы знаемъ, что въ цѣломъ рядѣ пунктовъ народничество было разбито въ девяностыхъ годахъ марксизмомъ... И если всѣ эти удары не сокрушили „русскій социализмъ“, то, значить, дѣйствительно въ немъ есть жизнеспособныя начала, которыя мы также старались вскрыть на предыдущихъ страницахъ. Однимъ изъ наиболѣе цѣнныхъ основныхъ началъ народничества мы считаемъ его отношеніе къ личности. Народничество соединило въ себѣ яркое *анти-мѣщанство* и величайшую *общественность* съ безусловнымъ *индивидуализмомъ*: Герценъ, Чернышевскій и Михайловскій являются въ этомъ отношеніи величайшими представителями русскаго социализма во всей исторіи русской общественной мысли XIX-го вѣка. Въ преддверіи XX-го вѣка возродившееся народничество идетъ по этому же направленію въ загадочную для насъ глубь наступающаго столѣтія...

Заключеніе.

Мы останавливаемся на рубежѣ XX-го вѣка для того, чтобы окинуть однимъ общимъ взглядомъ пройденный нами путь.

Теперь мы можемъ съ полнымъ основаніемъ повторить то, что высказывали еще во введеніи къ своей работѣ (см. т. I, стр. 22): мы видѣли, что борьба съ мѣщанствомъ, въ тѣхъ или иныхъ его проявленіяхъ, красной нитью проходитъ черезъ всю исторію русской общественной мысли. Въ преддверіи XIX-го вѣка передъ нами разстиляется эпоха литературнаго мѣщанства, въ борьбѣ съ которымъ русская интеллигенція проходитъ періодъ своего первоначальнаго развитія. Ложно-классицизмъ гибнетъ подъ ударами сентиментализма; ультра-сентиментализмъ погибаетъ въ борьбѣ съ сентиментальнымъ романтизмомъ; послѣдній вынужденъ уступить дорогу этическому и эстетическому псевдо-романтизму, который и замыкаетъ собою кругъ этой своеобразной „системы литературнаго мѣщанства“, въ которой такъ фатально *le mort saisit le vif...* Къ 1825-му году у русской литературы, по выраженію Пушкина, уже „прорѣзались зубки“ и она стала на твердую почву реализма, который почти полновластно царилъ въ ней до самаго конца XIX-го вѣка. Только къ этому времени появляется теченіе романтизма, о которомъ у насъ шла рѣчь въ началѣ послѣдней главы. Однако и реализмъ и романтизмъ одинаково враждебно относятся къ этическому мѣщанству жизни и официальному мѣщанству системы управленія. Эпоха официального мѣщанства, замѣнившая собою эпоху мѣщанства литературнаго, встрѣчаетъ безусловное противодѣйствіе со стороны наиболѣе выдающихся выразителей русской творческой мысли. Эпоха эта губитъ цѣлый рядъ лучшихъ людей, отчасти пригнетая ихъ въ ихъ борьбѣ съ этическимъ мѣщанствомъ окружающей среды, отчасти обращая ихъ

въ лишнихъ людей своего времени; единственный въ своемъ родѣ апологетъ этическаго мѣщанства, Гончаровъ, не находитъ никакого сочувственнаго отклика въ средѣ русской интеллигенціи; наоборотъ, люди тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ ведутъ безпощадную борьбу съ этическимъ мѣщанствомъ во имя широты и глубины реальной человѣческой личности. Бурное теченіе шестидесятыхъ годовъ омываетъ съ пути идеалы этическаго мѣщанства и подмываетъ фундаментъ системы мѣщанства официальнаго; однако неудачная, хотя и героическая борьба русской интеллигенціи семидесятыхъ годовъ съ этой системой кончается снова торжествомъ послѣдней, — торжествомъ, ознаменовавшимъ русскую общественную жизнь послѣдней четверти XIX-го вѣка; мы видѣли, что въ этомъ случаѣ торжество системы официальнаго мѣщанства привело къ эпохѣ мѣщанства общественнаго, которая однако длилась недолго. Появляется Чеховъ, за нимъ Горькій; первый одно время бессильно склоняетъ голову передъ мѣщанствомъ жизни самой по себѣ, второй зоветъ къ широкой и цѣльной жизни, какъ къ спасенію отъ мѣщанства. Теченіе русскаго романтизма въ это же время приписываетъ мѣщанству даже нуменальное значеніе и ведетъ съ нимъ борьбу на религиозной почвѣ. Съ этой обостренной ненавистью къ мѣщанству мы вступаемъ теперь въ XX-ое столѣтіе...

Эта борьба съ мѣщанствомъ всегда была въ то же время и борьбой за индивидуализмъ, она всегда велась во имя личности, во имя индивидуальности. Начиная съ Новикова и Радищева, непрерывно шла борьба русской интеллигенціи съ Левиаганомъ государственности, а нѣсколько позднѣе — и съ Молохомъ общественности, шла борьба сперва за абстрактнаго человѣка, а затѣмъ и за реальную личность. Декабристы перенесли борьбу на политическую почву и попытались однимъ ударомъ добыть и политическую свободу и социальную реформу; но только поколѣнію шестидесятыхъ годовъ удалось увидѣть частичное осуществленіе столѣтнихъ чаяній и ожиданій русской интеллигенціи. Освобожденный „мужикъ“ становится во главу угла міровоззрѣнія русской интеллигенціи и даетъ начало тому народничеству, которое является главнымъ содержаніемъ исторіи русской общественной мысли третьей четверти XIX-го вѣка. Народничество это углубляетъ смыслъ борьбы съ мѣщанствомъ (Герценъ), обосновывается на твердой научной почвѣ (Чернышевскій) и ведетъ борьбу за социологическій индивидуализмъ противъ крайней „общественности“ (Михайловскій); въ это же время достигаетъ высшей точки своего развитія и борьба за этическую самоцѣльность

человѣческой личности, этическій индивидуализмъ достигаетъ своего апогея (Достоевскій). Въ слѣдующую за этимъ эпоху общественнаго мѣщанства наблюдается этическое паденіе интеллигенціи, превращеніе ея въ „культурное“ общество; послѣдующее десятилѣтіе девяностыхъ годовъ приноситъ съ собою анти-индивидуалистическую идеологію марксизма. Но эта отливная волна скоро вновь замѣняется приливной волной анти-мѣщанства и индивидуализма: критическое теченіе въ марксизмѣ, придя къ философскому идеализму, вновь провозглашаетъ забытые послѣ Достоевскаго принципы этического индивидуализма, а молодое народничество попрежнему выставляетъ впередъ принципы индивидуализма соціологическаго; XIX-ый вѣкъ заканчивается такимъ образомъ своеобразной „эпохой возрожденія“ русской интеллигенціи...

Таковъ результатъ всего нашего изслѣдованія, таково краткое резюме философіи исторіи русской литературы и русской интеллигенціи XIX-го вѣка, такова русская общественная мысль въ ея прошедшемъ. Что касается настоящаго времени, то теперь мы переживаемъ бурную, революціонную эпоху борьбы русской интеллигенціи съ пережитками системы оффиціального мѣщанства, эпоху примата политическаго надъ соціальнымъ, что сближаетъ наше поколѣніе съ поколѣніемъ двадцатыхъ годовъ, съ декабристами. Мысль и дума современной минуты, это — политическое освобожденіе, освобожденіе абстрактнаго человѣка; но было бы ошибкою думать, что русская интеллигенція забываетъ при этомъ о реальной личности: девизомъ русской интеллигенціи остались прежнія слова — къ соціальному черезъ политическое! Политическое освобожденіе намъ дорого, какъ развязываніе рукъ для работы надъ коренной реформой современнаго соціальнаго строя и надъ достиженіемъ новыхъ условій общественной жизни; мы ни минуты не сомнѣваемся, что, достигнувъ политической свободы, русская интеллигенція съ возрастающей силой будетъ продолжать свою вѣковую борьбу за реальную личность, борьбу противъ мѣщанства и за индивидуализмъ.

Только далекое будущее можетъ дать намъ полное разрѣшеніе проблемы соціологическаго индивидуализма, ибо только соціалистическій строй можетъ привести къ одновременному достиженію и высоты типа и высоты степени, и народнаго благосостоянія и національнаго богатства; поэтому борьба за индивидуализмъ не только можетъ, но и должна вестись подъ знаменемъ социализма, а индивидуализмъ долженъ составлять этическое содержаніе соціально-экономическихъ соціалистическихъ формъ. Несомнѣнно, что этими

ловами мы характеризуем будущее истории русской общественной мысли; хотя и в XX-м вѣкѣ русская общественная мысль будетъ идти приливными и отливными волнами индивидуализма и антимѣщанства, но нѣтъ сомнѣнія, что—какъ это было и в XIX-мъ столѣтіи—каждая изъ проливныхъ волнъ будетъ захватывать все большее пространство, тѣмъ большее, чѣмъ сильнѣе была передъ этимъ волна идейнаго отлива въ сторону мѣщанства и анти-индивидуализма. Мы увѣрены также, что въ ближайшемъ будущемъ русская интеллигенція придетъ къ тому философско-историческому индивидуализму, который одинъ только даетъ возможность немедленнаго рѣшенія проблемы индивидуализма для каждаго отдѣльнаго лица; но объ этой нашей субъективной увѣренности было бы неумѣстно распространяться въ настоящемъ мѣстѣ ¹⁾. Какъ бы то ни было, но несомнѣнно одно: русская интеллигенція можетъ съ вѣрой смотрѣть на свое будущее, черпая силы и увѣренность въ своемъ славномъ прошломъ...

Ортодоксальные русскіе марксисты пророчатъ русской интеллигенціи быстрое увяданіе и вымираніе. Интеллигенція, говорятъ они, должна испытать процессъ разложенія и смерти, будучи такимъ же застарѣлымъ пережиткомъ до-конституціоннаго строя, какъ и поземельная община: вѣдь на Западѣ теперь нѣтъ ни общины, ни „интеллигенціи“, въ ея русскомъ значеніи; недаромъ само понятіе „интеллигенціи“ присуще только русскому языку... Мы не стоимъ на такой точкѣ зрѣнія, такъ какъ не считаемъ сильнымъ аргументомъ старое, истрепанное положеніе: на Западѣ когда-то было то, что у насъ теперь *есть*, а слѣдовательно у насъ когда-нибудь *будетъ* то, что есть теперь на Западѣ... Поистинѣ, удивительный силлогизмъ! Какъ не видятъ люди, съ торжествомъ опирающіеся на него, что они совершаютъ грубѣйшую ошибку противъ логики! Дѣйствительно, мы должны признать необходимость единослѣдственности тождественныхъ причинъ, но вѣдь въ данномъ случаѣ причинные ряды отнюдь не тождественны; мы имѣемъ здѣсь случай приложенія одинаковыхъ законовъ социальнаго-экономическаго развитія къ совершенно различнымъ условіямъ жизни социальной ткани. Такъ, напримѣръ, политическая революція во Франціи, въ концѣ XVIII-го вѣка, и въ Россіи, въ началѣ XX-го вѣка, происходила при совершенно различномъ соотношеніи общественныхъ группъ, при совершенно различныхъ внѣшнихъ и внутреннихъ условіяхъ; какъ же можно послѣ

¹⁾ Подробное развитіе этого вопроса см. въ нашей книгѣ „О смыслѣ жизни“.

cm p / - 11
этого утверждать, что слѣдствія и результаты будутъ одинаковы? Только неяснымъ пониманіемъ теоріи причинности (и гносеологически, и логически) можно объяснить себѣ упорныя ссылки „на Западъ“ своеобразныхъ современныхъ россійскихъ „западниковъ“... Вотъ почему мы не придаемъ никакого вѣса ихъ кассандровскимъ пророчествамъ о грядущей скорой гибели русской внѣсословной и внѣклассовой интеллигенціи; наоборотъ, мы предвидимъ дальнѣйшій ростъ и расцвѣтъ этой интеллигенціи, къ которой мы хотѣли бы имѣть право приложить знакомыя намъ слова: ея прошлое—изумительно, ея будущее—невообразимо...

Но это уже дѣло вѣры, ни для кого не обязательной. Возвращаясь отъ проблематическаго будущаго русской интеллигенціи къ ея изученному нами прошлому, мы хотимъ еще разъ подчеркнуть, что анти-мѣщанское и индивидуалистическое настроеніе русской интеллигенціи въ ея борьбѣ за права личности и человѣка вырисовывается слишкомъ рельефно, чтобы вполне оправдать ту точку зрѣнія, съ которой мы изучали исторію русской интеллигенціи. Анти-мѣщанство, индивидуализмъ и социализмъ—этой формулой мы можемъ подвести итоги исторіи русской общественной мысли XIX-го столѣтія.